

Делая выводы сопоставительного характера, можно сказать, что английский язык не столь чувствителен к оттенкам значений, точнее – многих смысловых нюансов он просто не знает или они несущественны для него. Это проявляется как в оригинальных, так и в переводных текстах. При анализе русских и английских текстов отмечается большая стереотипность английских предложений, реализующих угрозу, наблюдается использование в них основных, стержневых слов и выражений. Это особенно заметно на фоне широкой вариативности и разнообразия русских менасивных высказываний. Объяснить этот факт можно, по всей вероятности, большей экономностью и “рациональностью” английского языка.

Н.А.Анипченко

Самарский университет

ОБ АСПЕКТАХ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Обширный фонд библейских цитат образует основу, своеобразный фундамент коллективной “картины мира”, определяемой особенностями познавательного опыта, чертами материальной и духовной культуры. Фразеологизмы библейского происхождения формируют неповторимый колорит концептосферы, т.е. мира концептов и подчиненных им поведенческих стереотипов, свойственных определенному социуму. Исследование механизмов создания и трансформации фразеологических библеизмов, проникающих в национальные языки и ассимилируемых ими или сохраняющихся в словарном составе в качестве отдельных реликтов, свидетельствует о разных судьбах фразеологизмов библейского происхождения в русском и немецком языках.

Сопоставительный анализ библейских фразеологизмов (далее БФ) может осуществляться по определенному алгоритму, который включает пять этапов. На первом этапе исследуется план содержания, т.е. выявляется состав соотносительных (в том числе полностью эквивалентных) и несоотносительных БФ. Именно этот этап обеспечивает рассмотрение всего корпуса библейских фразеологизмов двух языков. Второму соответствует анализ лексической и грамматической структуры фразеологизмов. Третий этап предполагает анализ внутренней формы, затрагивающий те случаи, когда в русском и немецком языках в качестве основы номинации могут быть избраны различные черты одной и той же ситуации, в силу чего и образуются разные по внутренней и внешней форме БФ (ср. рус. *блудный сын*, нем. *der verlorene Sohn* – досл. “потерянный сын”, рус. *кроток как агнец*, нем. *geduldig wie ein Lamm* – досл. “терпелив как агнец”, рус. *страшный суд*, нем. *das letzte Gericht* – досл. “последний суд”). Четвертый этап предполагает изучение соотношения формы и содержания, а пятый связан с наблюдениями за особенностями функционирования БФ. Остановимся на первых двух этапах.

Сопоставление в аспекте содержания касается прежде всего тех случаев, когда БФ отсутствует в одном из сравниваемых языков вследствие того, что данное выражение подверглось фразеологизации только в одном из них или же данное значение не нашло отражения в одном из языков в виде БФ, что объясняется общей избирательностью фразеологии и историко-культурными факторами [1: 147]. Существует значительное количество БФ, которые подверглись фразеологизации или только в русском, или только в немецком языке. Так, в русском языке отсутствуют параллели таких немецких оборотов, как *Benjamin der Familie* (досл. “Вениамин семьи” в значении “самый младший, особо любимый ребенок в семье”), *der alte Adam regt sich* (досл. “ветхий Адам зашевелился” в значении “кем-либо овладевает искушение”), *ein ellenbanger Brief* (досл. “письмо длиною в локоть” в значении “документ, содержащий информацию о правонарушениях кого-либо”) и др.

Только в русском языке функционируют такие БФ, как *Евина внучка* (“о любопытной женщине”), *Давид и Ионафан* (“пример дружбы”), *злачное место* (“место разврата”), *помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его* (путливо произносят при икании или зевоте) и др. Этот этап в изучении БФ чрезвычайно важен еще и потому, что указывает на особенности тех ментальных моделей двух народов, для формирования которых одни БФ оказались более органичными, чем другие.

Наибольший интерес представляет сопоставление русских и немецких БФ в плане внешней формы. Оно касается единиц, представленных в обоих языках. Расхождения во внешней форме могут иметь количественный или качественный характер. В первом случае лексико-грамматические расхождения проявляются в добавлении или опущении слова, например, *Kinder und Narren sagen die Wahrheit* (“дети и юродивые говорят правду”) – *устами младенца глаголет истина*, *Schwerter zu Pflugscharen und Spiese zu Sicheln machen* (“переделать мечи на плуги и копья на серпы”) – *перековать мечи на орала*, *das irdische Jammertal* (“земная долина плача”).

Расхождения качественного характера проявляются в использовании различных грамматических форм и слов.

Если рассматривать грамматический аспект, то наиболее часто встречаются различия временных планов. Так, например, в немецких БФ *der Mensch lebt nicht vom Brot allein* (досл. “человек живет не только хлебом”), *wo aber ein Aas ist da sammeln sich die Adler* (досл. “где есть падаль, там собираются орлы”) и подобных глагол стоит в форме настоящего времени, а в русских оборотах *не хлебом единым жив будет человек, иде же бо аще будет трун, там соберутся орли* – в форме будущего времени. Это объясняется тем, что в силу известных особенностей русского глагола в сентенциальных высказываниях в русском языке чаще используется будущее время.

Системные отношения между номинациями при лексических расхождениях могут принимать форму равнозначности (синонимии), форму, при которой немецкие и русские БФ включают в свой состав разные, с национально-культурной

точки зрения, хотя и семантически тождественные, компоненты, и форму включения.

Синонимия проявляется прежде всего в использовании разных стилистических синонимов. И русский, и немецкий слог Библии представляется торжественным, приподнятым, но формируется этот слог различно. В русском языке это происходит в значительной степени за счет архаизмов и единиц стилистически высокой лексики, которые вопли в русский язык благодаря переводам Библии – Петровско-Елисаветинской Библии 1751г. и Русской Библии 1876г. [3: 114]. Немецкая Библия содержит в основном обыденные нейтральные слова. Это связано с той исторической задачей, которую ставил перед собой Мартин Лютер при переводе Библии на немецкий язык в 1530-х годах – сделать язык Библии понятным и доступным для широких масс средневековой Германии. Поэтому нередко в БФ немецкому нейтральному слову, которое можно встретить в любом стиле, в русском варианте БФ соответствует архаическое слово либо синоним, относящийся к поэтическому стилю, например: *wie ein Dieb in der Nacht* (букв. “как вор ночью”) – *яко тать в ноци* (1 Фес. 5:2), *seine Lenden gürten* (букв. “препоясывать свои бедра”) – *препоясывать чресла* (3Цар.18:46), *Auge um Auge, Zahn um Zahn* (букв. “глаз за глаз, зуб за зуб”) – *око за око, зуб за зуб* (Исх. 21:24).

Показательны примеры, когда в немецко-русских параллелях БФ используются слова одного семантического поля, но отражающие разный национальный или культурно-исторический опыт (пласт этнографизмов, экзотической лексики и т.п.). Например: *внести свою лепту* и *sein Scherflein beisteuern* (досл. “внести свой шерф”), где *Scherflein* – уменьшительная форма от *Scherf* (монета в полпфеннига). Лепта (греч. *Lepton* – самая мелкая медная монета, равная $\frac{1}{4}$ копейки) и шерф – названия разных монет. В данном случае Мартин Лютер попытался, не нарушая идеографического тождества, ввести национальный колорит, включив в структуру фразеологизма материальную реалию, понятную носителям немецкого языка. При этом русские и немецкие параллели остаются семанти-

чески тождественными. Ср.: *Nichts Neues unter der Sonne* (“ничего нового не происходит под солнцем”) и *ничто не ново под луною*, где солнце и луна – название двух светил.

Логические отношения включения могут иметь две разновидности: гиперо-гипонимическую (родовой термин – видовой термин) и меронимическую (целое-часть). Первый тип отношений наблюдается при сравнении оборотов *nicht wert sein jemandem die Schuhriemen zu lösen* (досл. “быть недостойным развязать у кого-либо ремни обуви”) и *не достоин развязать ремень у сапог его* (Мк. 1:7): в немецком закрепился гипероним *обувь*, в русском – гипоним *сапоги*. Ср. также: *ein Wolf in Schafskleidern* (“волк в овечьей одежде”) и *волк в овечьей шкуре*, *um ein Linsengericht verkaufen* (“продать за чечевичное блюдо”) и *продать за чечевичную похлебку* и др.

Меронимия (часть-целое) представлена в БФ *wie seinen Augenapfel hüten* (“беречь как свое глазное яблоко”) и *беречь как зеницу ока*. Старославянское слово *зеница* (зрачок – отверстие в радужной оболочке глаза, через которое в глаз проникают световые лучи) называет часть глазного яблока [3:234]. Ср. также: *auf beiden Seiten hinken* (“хромать на обе стороны”) и *хромать на оба колена*, *vom Scheitel bis zur Sohle* (“от темени до подошвы”) и *от головы до ног* и др.

Последующие этапы сопоставительного анализа требуют дальнейшего специального рассмотрения.

Литература

1. Бабаньева Н.А. Об основных факторах расхождения немецкой и русской библейской фразеологии // Языковые средства в системе, тексте и дискурсе: Материалы международной научной конференции: В 2 ч. Ч.1. Самара, 2002.
2. Логачев К.И. Христианское Священное Писание в России // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. СПб., 1995.
3. Краткий словарь офтальмологических терминов // Бианки Н. Обыкновенное чудо. М., 1987.